

Bestreuet war, und seufzt' vor Gram und Schmerz.
 Nach vielem Ruhn sah er das beßre Land,
 Den gut'gern Himmel, der ihn plötzlich heilt.
 Die Vorsicht leitet' ihn beglückt dahin;
 Und vie'len Spöttern ward die Flut zum Grab'.
 «Ihr, die die schwere Hand des Unglücks drückt,
 Ihr Red'ichen, die ihr, mit Harm erfüllt,
 Das Leben oft verwünscht, verzaget nicht,
 Und wagt die Reise durch das Leben nur!
 Jenseit des Ufers giebt's ein besser Land;
 Gefilde voller Lust erwarten euch».⁴

Установление оригинала произведения Радищева интересно во многих отношениях. Известна широкая осведомленность Радищева в немецкой литературе. Знаменательно, что в поле его зрения оказывались не только перво-разрядные произведения, но и сравнительно мелкие явления литературной жизни Германии XVIII века. Так, например, он откликнулся на цензурные гонения, направленные против Векерлина⁵ и был знаком с его «Серым чудовищем». Тем более вызывает недоумение отсутствие в произведениях Радищева упоминаний центральной фигуры в демократическом лагере немецкой литературы тех лет — Лессинга. Интерес к творчеству Э.-Х. Клейста в этом смысле знаменателен — он прямо вводил Радищева в литературное окружение великого немецкого просветителя. Рано умерший Эвальд Христиан Клейст не был особенно выдающимся литератором, но его произведения отмечены определенной, хотя и не очень глубокой, печатью влияния просветительских идей. Э.-Х. Клейст был другом Лессинга. Именно ему были адресованы «Литературные письма». Радищев — читатель и переводчик Э.-Х. Клейста, конечно, был хорошо знаком и с творчеством Лессинга.

Стихотворение «Журавли» интересно еще в одном отношении — оно перекликается с концовкой пушкинских «Цыган».⁶ Такое сопоставление вполне правомерно, ибо нет никаких сомнений в том, что собрание сочинений Радищева 1807—1811 годов было Пушкину известно. Однако незадолго до написания «Цыган» был выполнен и опубликован другой перевод этого же стихотворения. Он мог привлечь внимание Пушкина уже потому, что переводчиком был А. Д. Илличевский — лицейский друг Пушкина. Вообще творчество Э.-Х. Клейста интересовало лицейстов. Илличевский в ученические годы перевел две его идиллии — «Ирин» и «Цефиз».⁷ Знаком с творчеством Клейста

⁴ М. А. Арзуманова обратила мое внимание на то, что в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794, ч. I, № 1, стр. 91—93) помещена прозаическая басня «Подстреленный журавль» с указанием: перевод с французского Д. Арсеньева. На самом деле оно является переводом цитируемого стихотворения Клейста. *Прим. ред.*

⁵ См.: Пауль Рейманн. Основные течения в немецкой литературе. 1750—1848. Пер. с немецкого О. Н. Михеевой, Изд. ИЛ, М., 1959, стр. 80—84.

⁶ См.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 321.

⁷ Необходимо исправить одну ошибку. Н. Гастфрейнд, раскрывший причастность Илличевского к этим переводам («Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее», т. II, СПб., 1912, стр. 149), отнес указание Илличевского: «подражание Клейсту» на счет известного драматурга-романтика Г. Клейста. Заметив, что Г. Клейст «среди романтиков его времени» «отличался свежестью и пластичностью своих произведений», Н. Гастфрейнд заключил, что Илличевского «влекло к немецким романтикам», и предположил здесь влияние Кюхельбекера. Все это — плод недоразумения. Илличевский перевел